Он всегда, сколько себя помнил, жаждал стать человеком. Это чувство казалось иррациональным и совершенно непонятым, но подобное желание было слишком сильным, чтобы его терпеть. У него еще не было жмени, но было понимание, да что там, он еще даже не был рожден! Что-то подсказывало, что если все пойдет своим чередом, то человеком ему точно не быть: и, руководствуясь этим пониманием, он решил родиться САМ.

Он многое не знал, но его собственная кровь подсказывала путь, сначала пришлось избавиться от доли Родословной, что порядком ослабило его: но ради цели это оправданная жертва.

«Выкидыш» он не знал этого слова, но Кровь помнила, Кровь знала. И это понимание давало ему готовый план того, что нужно делать.

Гниль? Гоблин? Он не знал этих слов, но понимал их значение, и главное: ему было четко ясно, что он не то и не другое, а нечто Иное.

Младенец, рожденный на месяцы раньше срока, едва ли сможет выжить за пределами родительского чрева. Поэтому его рождение шокировало мать, и позволило ему сбежать.

Вышли - они были повсюду, как домашние животные, и как еда. Кокон его собственной плаценты, и тугое щупальце пуповины были для него мечом и щитом. Он менял их своей необычной силой и долго охотился на выхлей, чтобы поесть, чтобы поддерживать тепло, в своем тщедушном тельце и просто чтобы жить. Но Нерождённый понимал, что так человеком он не станет, чтобы стать человеком, очевидно нужно было родиться им.

Добраться до людей вышло на удивление просто, а после Нерождённый нашел беременную человеческую самку, и проник в неё, обратив своё недоразвитое тело в кровавую слизь. Как это вышло сделать он толком не понимал, но в иной своей форме, он смог проделать небольшую брешь, в плаценте, защищающей плод в чреве женщины, а после поглотить его и слиться с ним. Это слияние окончательно изменило и ослабило его погрузив в долгий сон без сновидений, в какой-то мере это сделало его человеком.

Спустя несколько месяцев он вновь родился, и сразу ощутил жуткий, едва сдерживаемый голод, пища, которую ему давало «вымя» матери была вкусной, но недостаточной. Малышу хотелось крови. Он звал, он просил помощи, и помощь пришла, оттуда, откуда не ждали.

Крыса, что принесла его на себе, сожрала остатки плаценты став полноценным чудовищем родословной, пускай и слабым в отличие от него, и теперь каждую ночь, чудовище пробиралось в людское жилище, через вентиляционное окошко, и отрывало для младенца пережеванное мясо. Он был доволен, тому что голод отступил.

Когда слабое человеческое тельце слегка окрепло, младенец наконец смог открыть глаза, чем вызвал через некоторое время небольшой переполох в семье людей. «Колль» - назвал его отец, стоило волнению стихнуть. Лишь спустя несколько недель, мальчик понял, что так его называли из-за угольно-чёрных глаз.

Время шло и Колль рос, опережая сверстников. Конечно мальчик хотел быть человеком, пускай и сейчас не до конца понимал зачем вообще нужно быть столь жалкой тварью. Неужели всё ради того, чтобы не бояться Слепило? Но ведь в обмен на эту силу люди слабы ночью. Стоит ли игра свеч?

«Человек» не понимал этого. Зачем, его родитель так стремился стать столь слабым жалким

существом? Колль терялся в догадках, всё же память, которую несла его кровь была неполной и обрывочной. Ребёнок рос и благодаря своей нечеловеческой крови, его разум формировался быстрее, чем у любого другого разумного. Понемногу, он начинал понимать речь странных бледнокожих созданий, что были его семьёй, и личность, созданная безумной мутацией Родословной, приобретала свои особенные черты.

Уже скоро Колль начал понимать слова людей, и в это самое время в деревню пришли два чудика в остроконечных капюшонах. Эти двое вели себя нагло, словно были хозяевами жизни, и если первый был просто странным мужчиной с чёрной шерстью на подбородке, то второй оказался полным уродом, скрывающим нижнюю половину лица под тканевой маской. По одним глазам, и бугристой коже вокруг них было понятно, что человек перед ним полнейший урод.

-Smerdy! Est ли тут poblizosty procklaytoe место? Или же drevniy холм, kurgan? – бородатый чудик заговорил, хотя Колль не понял смысла части слов, их тон ему совершенно не понравился.

Начался разговор, сопровождаемый криками со стороны чудиков в мантиях древесного цвета. В какой-то момент урод не выдержал, и всё пространство вокруг заполнил едкий сизый дымок, сорвавшийся с его пальцев. Все, кроме чудиков, закашляли, ребёнку и вовсе стало тяжело дышать.

В тот день, маленький «человек» едва не умер, заполучив при это серьёзные сомнения в том, что он сделал правильный выбор ослабнув ради человеческого тела. Страх, смешавшийся с запахом тела его матери, лишь подтверждал эти сомнения. Чудики ушли, и даже никого не убили, но мерзкое чувство опасности ещё долго не оставляло необычного ребёнка.

Мальчик рос. Он был ещё слишком юн, но его слабое розовое тельце уже училось ползать. Ослабшая Родословная, сокрытая в теле защищала от болезней, и медленно, не без помощи гигантской крысы восстанавливала свои силы. Иногда, уловив момент, малыш и вовсе умудрялся прогуливаться ночью по деревне, оседлав свою верную громадную крысу.

Деревня была маленькой. Или большой? Он не знал, как разобраться в этом точнее, но чётко понимал, что семей тут столько же сколько пальцев у него на руках.

В одну из ночей, пятерка путников остановилась в доме одинокой вдовы. Слух, доставшийся Коллю вместе с кровью отца, был необычайно чутким для человека. Он слышал странные, хлюпающие звуки доносящиеся из дома вдовы четверть ночи, на утро же путники покинули ее жилище. Они едва заметно пошатывались, но уверенно и молча продолжали свой путь. Никто не заметил в них чего-то необычного, кроме разве, что чрезмерной бледности кожи, но колль видел больше, во всех пятерых мужчинах не было и капли жизни, и лишь какая-то сверхъестественная сила двигала их мёртвые тела.

После полудня показалась вдова. Колль, особо не разглядывал эту женщину в прошлом, но даже ему была заметна разница. Женщина похорошела, и словно стала моложе на несколько лет, но больше всего бросались в глаза румяные щёки и налитые кровью алые губы.

Вилхерд и Оерик были весьма значимыми членами малой семьи Нэдолэж. Хотя им обоим было за сорок, оба молодых мага так и не заслужили чёрной мантии. Три Сигила в их душах не нашли гармонии, делая мужчин «ложными первыми Рангами». Оба знали парочку заклинаний,

достойных Чёрной мантии, оба могли их применять, только внушительная магия была в их исполнении ущербной. В сравнении с настоящими магами их возможности выглядели слишком слабо, медленно и грубо. Во всяком случае, для семьи, глава которой был всего лишь простым чёрным магом, они были ценными членами.

- Гробница где-то рядом, если карта не врёт, - маг с обезображенным лицом стянул свою маску на подбородок.

Несмотря на весеннюю прохладу, мужчине было жарко. Без ткани на лице, отметины его девиации выглядели особенно ужасно. У мужчины не было, и сейчас не оставалось сомнений в том, что его лицо покрывали мерзкие бугры и рытвины, соседствующие с ожогами, изуродовавшими подбородок. С тех пор у мага не росла борода, и вместе с тем, его внутри словно что-то жгло, закрывая тем самым дорогу к заветной чёрной мантии. Мужчина знал, что если не избавиться от собственной девиации, то новая попытка достичь гармонии просто сожжёт его и без того увечное тело.

- Вилхерд, когда мы найдем эту гробницу, возможно стоит сообщить Главе? Нас в обиде не оставят, да и зачем рисковать, собирая возможные ловушки, да древние проклятья? - Оерик, нервно теребил свою бороду, чувствуя, что они всё ближе к своей заветной цели.

- Друг мой, ты никак испугался? - мужчина с обожжённым лицом улыбнулся, но из-за травм его убытка, походила больше на оскал какого-то монстра.

- Лучше быть трусом, но живым трусом. Да и ради чего рисковать? - мужчина нервно пожал плечами, вновь начав теребить бороду.

- Это гробница, времен краха Империи. Многие семьи тогда пали, и сейчас я всё больше убеждаюсь, что мы ищем захоронения кого-то из проигравших, - Вилхерд хищно облизнулся, заставив своего собеседника вздрогнуть.

- И всё же, ловушки, проклятья... - Бородатый мужчина поёжился, вспоминая возможные опасности.

- Это гробница, Оерик! Не тренировочный полигон, а обычная гробница! К тому же прошло по меньшей мере лет пятьсот, так что всё озвученное тобой давно могло прийти в негодность, а если и не так, то почему бы не рискнуть? Или ты хочешь никогда не получить черной мантии? - маг перешёл на крик, его руки начали медленно подрагивать.

Больше никто из них не озвучивал сомнений. Поиски продолжались, и где-то через недели поисков маги нашли нужный холм. Даже с картой это было сделать весьма непросто, ведь как оказалось, её автор не имел возможности дать ей масштаб, расстояния между ориентирами отличались, и одинаковый отрезок на карте обозначал не расстояние, а дни пути.

Вилхерд чувствовал отвращение. Смертные... И почему им досталась карта, сделанная каким-то смертным идиотом? С другой стороны, это всё же лучше, чем ничего, а если бы карту создали маги, то им простым ученикам, в шаге от черной мантии, вряд ли бы светила хоть малая доля сокровищ.

Маги с радостным предвкушением нашли вход, закрытый белым каменным блоком. Изящная резьба, покрывающая вход снаружи, была запачкана грязью, но годы пребывания в земле, позволили сохранить вход нетронутым.

Маги улыбнулись, они чувствовали, как чары, охраняющие это место держаться на последнем

издыхании, уже сейчас они едва ощущали действие маскировки, сила которой упала настолько, что могла прятать гробницу лишь от простых смертных, если бы прошло ещё несколько десятилетий, то даже обычные люди могли бы найти вход, но не открыть.

Вот только сейчас, оба мага с сожалением для себя поняли, что вход им не по зубам. Едва слышный шепот Древних полузабытых чар был им не знаком, но там, где нет ключа сгодится лом, а где не хватает мастерства сгодиться грубая сила.

Жаждающие силы маги развили кипучую деятельность. Возведя с помощью магии небольшое жилище, похожее на нору, они приступили к реализации следующего пункта своего плана. Выбрав из ближайших к гробнице деревень самую удаленную, даже не деревню, а так тройку дворов, в которых даже с детьми было не больше трёх десятков человек. Их пропажи не сразу хватятся, а значит, даже если придётся отвечать перед семьёй за устроенный ритуал Магии Крови, требуемая вира будет не слишком большой.

Оерик, пользуясь своим экзотическим Сигилом «Дрожащих Костей Мёртвого Древа», мастерски обездвигивал всю живность в выбранной деревне, превращая часть жителей в послушные марионетки. Ученику чей талант слегка не дотягивал до первого уровня, контролировать такое количество людей было весьма сложно.

Магия Крови в природе своей один из древнейших методов манипулирования Таумом. Она проста, даже слишком проста в обращении по мнению многих, и в умелых руках может заменять многие разделы магической науки. Но прежде всего, она известна тем, что даёт силу.

Резерв в шесть чаш Таума на третьем малом Сигиле был более чем заурядным показателем – верхняя граница нулевого уровня Таланта, такой же резерв имеет гений с одним малым Сигилом. осушив весь свой собственный Таум Оерик мог сотворить всего два заклинания первого Ранга, в то время как маг, добившийся гармонии потратив тоже количество Таума мог бы сотворить целых шесть Заклинаний. Это было одним из пугающих отличий опытного ученика с тремя Сигилами и настоящего чёрного мага – что для одного потолок, для другого лишь начало пути.

У мага уже был амулет в виде сжатой в кулак костяной кисти, позволявший ему запастись дополнительно пару чаш Таума, а также неполная техника кровавых магов, позволяющая накапливать магическую силу в собственной крови. Последняя смотрелась бледно, особенно по сравнению Родословной, но даже одна лишняя чаша серьёзное подспорье для слабого мага.

Но всё же, чтобы пригнать к холму жителей и деревенский скот, сил и знаний одного Оерика не хватало, однако вместе со своим другом и союзником, управлять такой группой людей им вполне по силам.

Пригнав деревню к входу в гробницу, маги решили перестраховаться. За смерти обычных бездарных крестьян, не связанных ни с одной из магических семей им и слова никто не скажет, в крайнем случае придётся выплатить Виру местному феодалу, но если вдруг среди этого отребья окажется одарённый или кто-то с высокими стихийными склонностями, то лучше будет и вовсе сменить всех жертв.

К счастью для магов, одаренных среди крестьян не было. Некоторые женщины казались Оерику весьма привлекательными. Светлые волосы и небесно-голубые глаза, кожа цвета лепестков жасмина, опрятная одежда и украшения – всё это выгодно подчеркивало превосходство их пленниц, над грязными пейзажами континента. Будь ситуация немного иной, маг возможно даже завёл бы себе парочку любовниц из местных, но нельзя, всё же

Оерик считал себя хорошим человеком и предпочитал не делить ложе с теми, кого собирался убить особо жестоким образом.

Когда весь скот и птица ушли на закрепление контуров ритуала, крики и мольбы жертв стали совершенно невыносимыми. Магам пришлось наложить на себя «Тишину», чтобы сберечь свои барабанные перепонки от криков черни. Оерик, разом разочаровался в этих людях, стоило ему начать пускать жизни их женщин на топливо ритуала. Они сопротивлялись! Ему магу сопротивлялись, и не выказывали должного уважения! Смерды, они и на Севере смерды. Дикие варвары, не понимающие, что услужить магу, это честь!

Мужчина злобно сплюнул на землю и посмотрев на свою следующую жертву, на мгновение оцепенел. В голубых глазах молодой женщины он видел чистую всепожирающую ярость. Его магия сковала жертву, в ней не было и капли дара, а чары тишины не давали её крикам потревожить его слух, но женщина не кричала. Она просто смотрела, и этот взгляд казалось заглядывал ему в самую душу.

Маг нервно сглотнул, в тот же миг устыдившись собственной слабости. Тряхнув головой, он постарался избавиться от терзающих его неприятных мыслей, после чего, стыдясь собственной заминки, пустил кровь женщины на поддержание ритуала. Она умерла как самый обычный заурядный человек, но этот пронзительный взгляд заставлял мага ежиться, даже смотря на истерзанное тело женщины, и с некоторым ужасом он осознал, что женщина не кричала, даже когда умирала от его руки. Пальцы мужчины задрожали.

- Мне показалось, точно показалось! Это всё волнение! - Оерик нервно усмехнулся, давя в зародыше начавшуюся было истерику.

- Влияние гробницы, не иначе. Не могут же варвары, дикие полужвери обладать такой волей? - эти слова тут же позволили мужчине взять себя в руки.

Зачем бояться, когда жуткие взгляды ему кажутся? Закончив с женщинами, Оерик спокойно начал резать детей. Магу то и дело мерещились жуткие обжигающие взгляды от мужчин и стариков, но лишь пустив в дело жизнь последнего ребёнка, он обратил на них внимание, и едва сдержал себя от того, чтобы не сделать шаг назад. Взгляды, они пугали. И главное их нельзя было убивать, ведь чтобы проверить гробницу на ловушки нужны люди или похожие «Отмычки».

Ритуал наконец завершился. Громадные кровавые щупальца опутали тяжелый мраморный блок и потянули его на себя, открывая вход в гробницу древнего мага. Черный провал последнего прибежища, дохнул на присутствующих спёртым воздухом древнего склепа. Толстый слой пыли, копившейся в усыпальнице долгие века, мягким ковром лежал на полу. Везде, где только хватало света царило мрачное запустение, и тем более пугающей казалась давящая тишина этого места.

подавив порыв исследовать гробницу прямо сейчас, маги вернулись в свой лагерь. Выживших людей погрузили в магический сон, оставив лежать неподалёку прямо на голой земле. Кормить или хотя поить их разумеется никто не стал. Зачем, они ведь и так отработанный материал, а лишние свидетели при исследовании гробницы магам были не нужны.

Сейчас лишь оставалось ждать, пока залы древнего захоронения проветрятся от несущих смерть миазмов, а в это время можно отдохнуть, восполнить потраченный Таум и немного расслабиться. В конце концов они умели ждать.

<http://tl.rulate.ru/book/65744/2792890>